

АРХЕОЛОГИЯ, Изд. Института археологии АН Укр. ССР, Киев, т. II (1948)—227 стр.; т. III (1950)—191 стр.; т. IV (1950)—205 стр.

Институт археологии АН Украинской ССР возобновил, как известно, в 1947 г. издание своих трудов выпуском в свет первого тома сборника «Археология». По поводу его выхода в печати уже отмечалось, что «сборник представляет нам украинскую археологическую науку на новом подъеме», и выражалась надежда «на еще более высокие успехи, которые, несомненно, не заставят себя ждать в будущем»¹. Перед нами три новых тома указанного сборника. Наряду с другими изданиями Института археологии² они бесспорно свидетельствуют о дальнейших успехах украинских археологов. Сборники содержат статьи и исследования, отчеты и сообщения об археологических раскопках и разведках, публикации памятников, материалы к археологической карте УССР, авторефераты и хронику.

Около половины всех работ (16 из 39) посвящено славянской тематике. Среди них особый интерес представляют исследования и публикации, посвященные проблемам культуры полей погребений. Еще В. В. Хвойко, открывший в конце прошлого столетия памятники этой культуры, высказал весьма плодотворную мысль о принадлежности их древним славянам³. Однако дальнейшим исследованиям в этом направлении препятствовали пресловутые норманнская, готская и подобные «теории», сыгравшие чрезвычайно отрицательную роль в изучении культуры древних славян. Лишь советские историки, вооруженные марксистско-ленинским учением, решительно покончили со всеми этими антинаучными «теориями» и стали успешно решать основные проблемы древнейшей истории славянских народов.

Одним из наиболее сложных вопросов истории восточных славян является антский вопрос. Письменные известия об антах, как известно, очень скудны; к тому же и памятники их материальной культуры изучены далеко недостаточно. До последнего времени среди исследователей не было единства даже в вопросе о том, какие памятники следует считать антскими. Высказанное Б. А. Рыбаковым мнение о принадлежности антам городищ роменского типа⁴ встретило серьезные возражения⁵, заставившие самого автора пересмотреть его взгляд⁶. В советской литературе имеется также мнение о том, что антам принадлежат памятники эпохи полей погребений⁷. В этой связи следует отметить попытку Е. В. Махно в статье «Памятники культуры полей погребений черняховского типа» («Археология», т. IV, стр. 56—77) обосновать эту точку зрения путем анализа конкретных археологических материалов. Автор отмечает, что изучение памятников эпохи полей погребений приобрело широкий размах лишь в советское время и особенно за последние годы. Если в 1913 г. В. В. Хвойко в работе «Древние обитатели среднего Поднепровья» смог указать только 13 памятников, относящихся к этой эпохе, то в 1946 г. их было известно уже 230, а в настоящее время насчи-

¹ Н. Трубинова, *Археология*, т. I, ВДИ, 1948, № 4, стр. 127.

² *Археологічні пам'ятки УРСР*, тт. I—II, Киев, 1949; М. К. Каргер, *Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1948 гг.)*, Киев, 1950; В. К. Гончаров, *Райковецкое городище*, Киев, 1950; *Палеоліт і неоліт України*, т. I, Київ, 1947, и др.

³ В. В. Хвойко, *Поля погребений в среднем Приднепровье*, ЗРАО, т. XII, 1901, стр. 189—190.

⁴ Б. А. Рыбаков, *Анты и Киевская Русь*, ВДИ, 1939, № 1, стр. 393 сл.

⁵ П. Н. Третьяков, *Славянская (днепровская) экспедиция 1940 г.*, КСИИМК, X, стр. 120 сл.

⁶ Б. А. Рыбаков, *Ранняя культура восточных славян*, ИЖ, 1943, № 11—12, стр. 78.

⁷ П. Н. Третьяков, *ук. соч.*, стр. 124; В. В. Мавродин, *Образование древнерусского государства*, Л., 1945, стр. 40; М. И. Артамонов, *К вопросу о происхождении восточных славян*, ВИ, 1948, № 9, стр. 104.

тывается свыше 400 (стр. 61). Памятники эпохи полей погребений делятся на две хронологические группы. Более ранняя — зарубицкого или корчеватовского, и более поздняя — черняховского типа. Первая группа обычно датируется II—I вв. до н. э.—I—II вв. н. э., вторая — II—V вв. Раскопки последних лет позволили автору поставить вопрос о пересмотре датировки памятников черняховского типа. Е. В. Махно выделяет среди них более поздние комплексы и датирует их V—VII вв. Такое передвижение верхней хронологической грани существования памятников черняховского типа дает возможность предположить, что они одновременны антам. Автор, устанавливая общность территории памятников черняховского типа и антов, обращает также внимание на тождественность социально-экономического строя последних и населения, оставившего названные памятники. В результате Е. В. Махно приходит к выводу, что культура полей погребений черняховского типа — это культура антов. Автор утверждает также, что, с одной стороны, существуют генетические связи рассматриваемой культуры с памятниками скифского времени, а с другой, «основные направления развития культуры полей погребений прямо указывают на культуру Киевской Руси, как на ее (культуры полей погребений.— А. М.) завершающий этап» (стр. 72).

Приветствуя постановку вопроса в работе Е. В. Махно, мы все же должны отметить, что для окончательного его решения необходимо дальнейшее накопление фактов. Кроме того, чрезвычайно важная, хотя и не новая, мысль о генетических связях культуры полей погребений со скифами и культурой Киевской Руси недостаточно обоснована.

В статье М. Смишко «Эпоха полей погребений в западных областях УССР» (т. II, стр. 98—129) рассматривается эпоха, предшествующая культуре полей погребений, и устанавливаются два периода в развитии последней. Более ранний представлен памятниками липицкого (I в. до н. э.—III, а возможно и V в. н. э.) и пржеворского типов (I в. до н. э. и III в. н. э.). Более поздний известен по культуре полей погребений черняховского типа (III—IV вв. н. э.) и подкарпатских курганов (V—VI вв. н. э.). М. Смишко подчеркивает, что «несравненно большую роль в формировании культуры местного населения играет культура полей погребений» черняховского типа (стр. 110). Автор отмечает, что памятники черняховского типа появляются на этой территории после того, как исчезают памятники пржеворской культуры. Они распространяются почти на всей территории западных областей Украины. На основании имеющегося материала можно сделать вывод, что население того времени занималось земледелием и скотоводством. Автор высказывает предположение о том, что возможно передвинуть верхнюю хронологическую границу бытования поселений этой культуры значительно далее IV в. н. э. (стр. 113). М. Смишко делает также попытку решить вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего вышеуказанные памятники. По его мнению, черняховский тип культуры принадлежит раннеславянским племенам, а липицкий и подкарпатский — дакийским. Что же касается этнического определения носителей пржеворской культуры, то пока еще этот вопрос не может быть решен окончательно. Необходимо провести широкие полевые исследования памятников латенского периода и эпохи полей погребений. Изучение их следует вести на широком историческом фоне с привлечением материалов соседних стран.

Интересная статья М. Смишко имеет один существенный недостаток. Автор, правильно подчеркивая местные корни рассматриваемых культур, в то же время чрезмерно преувеличивает роль и значение различных культурных влияний. По его мнению, «характерной чертой культурных явлений этой эпохи (эпохи полей погребений.— А. М.) является наличие влияний римской провинциальной культуры» (ст. 99). Связи с римским миром несомненно находили отражение в развитии культуры полей погребений. Но, поскольку автор указывает лишь на одну черту этой культуры (римское влияние) и не называет других, у читателя создается не совсем правильное представление об особенностях рассматриваемой культуры. М. Смишко говорит и о кельтских культурных влияниях на племена южной полосы западных областей Украины в ранний латенский период (стр. 102). И, наконец, он пишет: «В позднелатенский период усиливаются культурные связи с югом, что, в конце концов, приводит к глубоким

изменениям в материальной культуре населения западных областей Украины. В связи с этими влияниями формируется на нашем Юге липницкая культура...» (стр. 102). Такое утверждение неправильно. Поскольку эпоха полей погребений, как говорит об этом и сам автор, развилась на местных основах, то иноземные влияния не могли изменить основного хода исторического развития. Данные для периодизации эпохи полей погребений следует искать в особенностях местных культур и, прежде всего, в уровне развития производительных сил, а не во «всесильных влияниях», как это делает автор (стр. 99).

Исследование М. Ю. Брайчевского «Находки римских монет на территории УССР» (т. III, стр. 93—101) представляет интересную попытку использовать монеты для характеристики социальной культуры антов. Наибольшее количество римских монет, относящихся преимущественно к I—II вв. н. э., было обнаружено на Подолье, на правобережье Днепра, в западных областях УССР и в Закарпатской области. Это и есть та территория, на которой размещаются памятники культуры черняховского типа, т. е. «той части восточных славян, которые в произведенных византийских авторов названы антами» (стр. 94). М. Ю. Брайчевский считает, что римские монеты использовались прежде всего для нужд внутреннего обмена, в связи с чем любопытны находки монет местной чеканки по римскому образцу. Большие клады римских монет указывают на значительную дифференциацию общества того времени. Сама постановка вопроса представляется интересной, а выводы автора о дифференциации общества убедительными. Однако тезис о широком внутреннем обмене у племен Приднепровья уже в первые века нашей эры нуждается в дальнейшем обосновании.

Статья того же автора «Археологические материалы к изучению культуры восточнославянских племен VI—VIII вв.» (т. IV, стр. 27—55) рассматривает проблему материальной культуры антов. Автор, изучая предметы местного ювелирного ремесла VI—VIII вв., вслед за другими исследователями приходит к выводу, что ни о каком культурном регрессе, «который будто бы имел место в связи с нашествием гуннов, аваров и других кочевников» (стр. 45), в Приднепровье говорить не приходится. Дальнейшее изучение, по мнению М. Ю. Брайчевского, должно пойти по линии увязки антского комплекса вещей с известными археологическими культурами. Автор развивает мысль о связи поздних памятников культуры полей погребений с антами. Так же, как и Е. В. Махно, он относит к ним памятники типа верхнего слоя Луки Врублевской, Ягнятинского кургана и др. Автор замечает при этом, что памятники данного типа связывают культуру полей погребений и Киевскую Русь. Кроме того, в статье вновь указывается на необходимость тщательного изучения вопросов, связанных с возникновением курганного обряда погребения и превращением неукрепленных селищ в городища. Последнее автор считает показателем возникновения феодального общества (стр. 52).

Работа М. Ю. Брайчевского значительно выиграла бы, если бы автор больше внимания сосредоточил на решении неясных и спорных проблем. Хотелось бы также найти в работе более детальную аргументацию защищаемых автором точек зрения. Совершенно неубедительно предположение о том, что возникновение городищ в середине I тысячелетия н. э. связано с развитием классового общества.

В работе И. Луцкевич «Материалы к карте распространения памятников культуры полей погребений на территории Харьковской области» (т. II, стр. 164—178) публикуются вещи, хранящиеся в Археологическом музее Харьковского университета. Особый интерес представляет сообщение о раскопках поселения у с. Переспичного Харьковского района в 1931—1933 гг.; здесь были обнаружены землянки, зерновые ямы и гончарный горн. За поселением находится некрополь, содержащий как погребения в урнах, так и трупоположения в ямах. Вещи с этого поселения аналогичны находкам из Черняхова и Ромашок. Изучение культуры полей погребений на Харьковщине дает интересный материал для изучения этой культуры на всей территории Украины.

Славянская тематика в сборниках не ограничивается эпохой полей погребений. Интересные исследования, публикации архивных материалов и результатов недавних

полевых работ посвящены славянским памятникам и более позднего времени. Из них мы отметим только некоторые.

Существенный вопрос поднимается в статье М. Ю. Брайчевского «О датировке шиферных пряслиц» (т. IV, стр. 91—98). Шиферные пряслица часто используются при датировке археологических памятников, и поэтому очень важно уточнить время, когда они производились. Автор не согласен с общепринятой датировкой пряслиц XI—XII вв. и считает, что они изготовлялись не только в указанное время, но и значительно ранее, еще в VII—VIII вв. Он замечает, что проблемой датировки шиферных пряслиц никто специально не занимался (стр. 91), и поэтому общепринятая их датировка реально ничем не обоснована. В действительности это не так. Мы должны напомнить М. Ю. Брайчевскому, что Б. А. Рыбаков еще в 1946 г. на основании большого количества материалов (курганные комплексы, эпиграфические данные) пришел к выводу, что пряслица из розового шифера следует датировать XI—началом XIII в.¹ На эту датировку он опирается и в своем монументальном труде «Ремесло древней Руси»². Для окончательных же выводов о возможности производства шиферных пряслиц в более раннее время М. Ю. Брайчевским собрано еще недостаточное количество фактов.

Интересной проблеме посвящена работа В. И. Довженок «К вопросу о технике пашенного земледелия на юге древней Руси» (т. IV, стр. 3—26). Развитие земледельческой техники автор ставит в связь с ростом разделения труда, которое нашло выражение в отделении ремесла от земледелия, что способствовало дальнейшему развитию всех видов хозяйственной деятельности и «вызывало необходимость производства хлеба для продажи» (стр. 26). Он отмечает, что на юге Руси в XI, а возможно еще и в X в., наряду с ралом существовал плуг с череслом, отвалом и колесным передком, что давало возможность поднять урожайность и распахивать под посевы не освоенные ранее степные площади. Сосуществование рала и плуга в одних и тех же пунктах может быть объяснено, по мнению автора, как социально-имущественным неравенством населения, которому они принадлежали, так и функциональными различиями этих орудий.

В заключение обзора статей о славянах следует указать еще на две работы, которые имеют отношение к этой тематике. Интересный материал для представления о материальной и духовной культуре населения района современного Запорожья в VIII в. имеется в посмертно опубликованной статье В. А. Гринченко «Памятник VIII в. у с. Вознесенки на Запорожье» (т. III, стр. 37—63). В статье сообщается о раскопках могильника, расположенного на территории Днепростроя, на левом берегу Днепра, у с. Вознесенки. Здесь был обнаружен вал, по форме напоминающий прямоугольник, состоящий из камней, наваленных без каких-либо признаков кладки, вперемешку с землей. На площади внутри вала найдено большое количество лошадиных костей и фрагментов сосудов. Особый интерес представляет круг из камней площадью в 29 м². Внутри него оказалось много вещей из железа, бронзы, серебра и золота. Среди них особо следует отметить находки предметов вооружения, конской упряжи, а также прекрасно выполненное и хорошей сохранности литое изображение орла и несколько худшей сохранности изображение льва. Все вещи были сложены в кучу и проткнуты тремя саблями. На многих из них видны следы пребывания в огне. Автор полагает, что в этой яме было совершено погребение воинов через трупосожжение на стороне, а вся территория внутри каменной ограды могла быть местом стоянки военного отряда. Этот памятник он датирует концом VII—VIII вв. н. э. В статье обращается внимание на то, что вещи Вознесенского клада (вещи из ямы)— преимущественно византийского производства, но, кроме того, имеются также и вещи салтовского и северокавказского типов. По мнению В. А. Гринченко этот памятник «оставили славяне или хазары, которые имели тесные экономические и политические связи с Византией» (стр. 62). Б. А. Рыбаков, изучавший этот памятник, также рассматривает его не как

¹ Б. А. Рыбаков, Овручские пряслица. Доклады и сообщения Ист. фак-та МГУ, М., 1946, вып. 4, стр. 26.

² Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 466.

клад, а как своеобразное коллективное погребение и датирует, подобно В. А. Грищенко, VIII в.¹ Что касается его конструкции, то следует обратить внимание автора, что она живейшим образом напоминает могилы орхонских тюрок VI—VII вв. и едва ли может относиться к славянам.

С. К о р ш е н к о в статье «Пряжка с головой варвара» (т. II, стр. 179—181) публикует бронзовую пряжку с изображением головы варвара, хранящуюся в Республиканском историческом музее в Киеве. На основании свидетельств древних писателей о внешнем виде гуннов автор предполагает, что на пряжке изображен сам Атилла или гунн его времени.

Перейдем к статьям, посвященным местному земледельческому населению в Причерноморье в первые века нашей эры, скифскому времени, эпохе бронзы, памятникам трипольской культуры, неолиту и палеолиту на территории Украины, а также к работам, не связанным непосредственно с украинской тематикой.

Публикация А. В. Д о б р о в о л ь с к о г о «Земледельческое поселение первых веков нашей эры на Ингульце» (т. III, стр. 167—176) посвящена результатам изучения одного из земледельческих неукрепленных поселений на периферии Ольвии. Здесь были обнаружены остатки каменных жилых сооружений. Исследованы четыре жилых сооружения и одна зерновая яма амфоровидной формы. При раскопках найдены остатки керамики четырех типов: простой лощеной посуды, серых больших сосудов, сделанных на гончарном круге, серой лощеной посуды и большое количество амфор. Поселение датируется первыми веками нашей эры. Эта статья дает некоторое представление о жизни местного населения того времени; изучение его культуры чрезвычайно важно для развенчания теории о «культуртрегерской» миссии греческих колонистов в Причерноморье.

Статья В. П е т р о в а «Пищевые остатки из Пастырского городища» (т. II, стр. 79—85) сообщает о результатах изучения пищевых остатков (кусочки лепешки) со скифского Пастырского городища, найденных в золе очага при разведках 1939 г. Микроскопический анализ показал, что лепешка была приготовлена из хорошо очищенной крупы и муки из зерен метельчатого проса. По форме и технике приготовления она напоминает лепешки, обнаруженные в Киргизии в гуннском погребении I в. н. э.

Статья Л. Д. Д м и т р о в а «Археологическое изучение Никопольщины в 1935—1936 гг.» (т. III, стр. 151—166) является окончанием работы, напечатанной в «Научных записках» Института истории и археологии Украины. Автор публикует материал из кургана на о-ве Томаковка вблизи г. Никополя. В статье, кроме того, сообщается об обследовании известного Чертомлыцкого кургана, где были обнаружены нераскопанные еще места. Осмотрены также Длинная могила, местность Каменные Кучугуры, где были найдены остатки скифского поселения, и другие пункты.

А. В. Д о б р о в о л ь с к и й в работе «Бериславский клад бронзовой эпохи» (т. II, стр. 152—163) публикует клад, найденный в 1925 г. близ Берислава. Клад состоял из семи топоров, семи серпов и 24 кг бронзы в слитках. В статье дается описание этих вещей. Клад датируется первой половиной I тысячелетия до н. э.

Е. Л а г о д о в с к а я в статье «Войцеховский могильник бронзового века на Вольши» (т. II, стр. 62—78) публикует материалы могильника, раскопанного в 1924 г. С. С. Гамченко в с. Войцеховском Ново-Миропольского района Житомирской области. Автор дает подробное описание семи курганов. В них были обнаружены погребения в скорченном положении на горизонте или в неглубоких ямах. При мужских погребениях, расположенных в центре, находились керамика и кремневые наконечники стрел, при женских погребениях — металлические украшения и керамика. Автор датирует этот могильник 1400—1200 гг. до н. э. и считает, что материал его дает возможность поставить вопрос о культурном единстве населения широких просторов лесостепного правобережья Днепра до Днестра в период бронзы (стр. 77).

Сообщение А. В. Д о б р о в о л ь с к о г о «Тальковые литейные матрицы брон-

¹ В. А. Р ы б а к о в, Улич, КС ИИМК, XXXV, стр. 11. Автор по ошибке называет этот клад Воскресенским.

зовой эпохи из Херсонщины» (т. IV, стр. 163—170) посвящено литейным матрицам, сделанным из талькового камня, которые были найдены в 1928 г. на месте древнего поселения в с. Ново-Александровка Ново-Воронцовского района Херсонской области. В настоящее время матрицы хранятся в Херсонском музее. На их поверхности вырезаны формы пяти кельтов, трех книжалов, втульчатого копья, долота, двух шилец, браслета и других вещей. Матрицы представляют большой интерес, так как дают возможность установить местные формы орудий и изучить местную литейную технику. Автор относит их к позднему периоду эпохи бронзы.

Статья Е. Ю. Кричевского, погибшего во время блокады Ленинграда, «Об относительной хронологии памятников трипольской культуры» (т. III, 9—36) посвящена вопросам периодизации трипольских памятников. После выхода в свет фундаментальной работы Т. С. Пассек¹ это исследование уже несколько устарело. Однако оно представляет несомненный историографический интерес.

Этой же культуре посвящена и статья М. Н. Овцовой «К вопросу о текстиле трипольской культуры» (т. II, стр. 44—61). В ней анализируются отпечатки тканей на донышках сосудов из раскопок в с. Стина Томашевского района на Тульчинщине и в Петренах. Автор устанавливает наличие двух сортов тканей из растительных волокон и шерсти и предполагает, что трипольцы пряли при помощи деревянного веретена, а ткали на станке.

В статье В. Н. Даниленко «К вопросу о раннем неолите южного Поднепровья» (т. III, стр. 119—147) сообщается о шести раннеолитических поселениях, открытых в 1946 г. в районе порожистой части бассейна р. Днепра. Наибольшее внимания заслуживают поселения с о-ва Сурского (в 18 км южнее Днепропетровска). Здесь были исследованы остатки раннеолитического жилища. В этой статье дается описание жилища и находок кремневых, каменных и костяных орудий, а также местной посуды из камня и глины. Изучение указанных памятников, а также исследование ранее добытого материала, позволило автору датировать их временем раньше IV тысячелетия до н. э. и установить характерные черты раннеолитической культуры в районе южного Поднепровья. В. Н. Даниленко пытается поставить вопрос о генезисе неолитической культуры. Среди раннеолитических памятников им выделяются, с одной стороны, более ранние памятники, сохраняющие в качестве пережитков черты эппалеолита, а с другой, — памятники более поздние, которые содержат ряд признаков, позволяющих рассматривать их как определенный этап, предшествующий древнеземледельческим неолитическим культурам Европы.

Другая работа того же автора «О наскальных изображениях Каменной могилы» (т. IV, стр. 78—90) знакомит с результатами изучения наскальных изображений из гротов Каменной могилы, находящейся в 15 км севернее Мелитополя. Там были обнаружены рисунки коней, лисицы, волка, быков, рыб, гарпунов, а также человеческих ног и рук. В зависимости от техники нанесения изображения, стиля и содержания рисунков, автор относит их к различным эпохам. Наиболее древние изображения датируются эпохой палеолита, далее выделяются рисунки эппалеолитического времени, эпохи неолита и более поздние, которые, по мнению автора, могут быть отнесены к скифо-сарматской эпохе. Появление этих изображений В. Н. Даниленко связывает с производственной магией.

Сообщения С. Н. Замятина «О характере культурных остатков в пещере у с. Ильинка Одесской области» (т. IV, стр. 143—151) и А. В. Добровольского «Пещера у с. Ильинка Одесской области» (т. IV, стр. 152—155) посвящены находкам орудий и фауны палеолитического времени в пещере у с. Ильинка Одесской области. Изучение кремневого и остеологического материала позволило сделать вывод о том, что в этой пещере люди жили с перерывами на протяжении палеолита и некоторое время в эпоху мезолита. Впервые она была заселена в эпоху мустье. Это одна из древних стоянок эпохи палеолита на Украине.

И. Ф. Левицкий в сообщении «О возрасте стоянки, открытой В. В. Хвойко

¹ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, т. X, 1950.

у с. Искорости» (т. IV, стр. 156—162) выясняет возраст стоянки, открытой и раскопанной В. В. Хвойко, а позже изучавшейся Коростенским краеведческим музеем. Он приходит к выводу, что в нижнем слое залегают остатки поселений эпохи позднего азия и начала эппалеолита, а в следующем кверху слое — раннего и затем развитого неолита. Эта стоянка интересна тем, что она имеет четко выраженную стратиграфию, демонстрирующую переход от азия к неолиту.

В сборниках помещены также сообщения, охватывающие различные археологические эпохи. П. И. Б о р н с к о в с к и й в статье «Некоторые дополнения к археологической карте среднего Поднестровья» (т. IV, стр. 117—131) рассказывает о результатах разведки, проведенной в 1946—1948 гг. на территории Каменец-Подольской, Черниговской и Винницкой областей по обоим берегам Днестра и частично Збруча. Во время работ было обнаружено и обследовано несколько десятков археологических памятников различных эпох: палеолита, неолита и эпохи полей погребений.

В статье А. Я. О г у л ь ч а н с к о г о «Археологические памятники Северного Приазовья» (т. IV, стр. 132—140) сообщается о результатах археологических разведок, которые проводились в период с 1938 по 1948 г. Осипенковским краеведческим музеем в Северном Приазовье. В процессе разведки были обнаружены две стоянки неолитического времени и раскопан курган, содержащий вытянутое погребение, сопровождающееся богатым кремневым инвентарем, а также сделаны случайные находки отдельных предметов (каменная булава, глиняный сосуд).

Три работы не имеют непосредственного отношения к территории Украины. В статье П. И. Е ф ъ м е н к о «К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья» (т. II, стр. 3—43) рассматриваются вопросы, связанные с ананьинской культурой и прежде всего вопрос о ее происхождении. Автор считает, что «так называемая ананьинская культура с ее характерными признаками и особенностями сформировалась, вопреки господствующим взглядам, вероятнее всего не на нижней и средней Каме» (стр. 6). В ее создании приняли участие элементы населения, попавшего в Прикамье с востока в результате переселения лесных племен в эпоху, предшествующую ананьинской культуре. Последняя, таким образом, «значительно в большей мере является продуктом севера, точнее лесных областей Европы и Азии с ее древним населением, чем продуктом юга», как это предполагали некоторые исследователи (стр. 6—7.)

В исследовании покойного Д. Л ю с т г а у с «Торговля лесом в древней Греции (V—IV вв. до н. э.)» (т. II, стр. 86—97) ставится интересный вопрос о значении торговли лесом для экономической и политической жизни страны. Анализируя главным образом литературные источники (Теофраста, Плиния Старшего, Страбона, Полибия и др.) и незначительные археологические находки по данному вопросу, автор показывает, что изделия из дерева были широко распространены как в быту, так и в военноморском деле. В результате хищнической эксплуатации лесные районы в самой Греции были полностью ликвидированы уже к V в. до н. э. Древняя Эллада «становится страной, лишенной лесов» (стр. 88). Автор, выяснив маршруты лесоторговли, отмечает, что политика греческих государств в значительной степени определялась борьбой за эти маршруты и за господство над лесными областями.

Следует отметить, что статья написана хорошим, ясным стилем, чего, к сожалению, нельзя сказать о многих работах, помещенных в рассматриваемых сборниках.

Короткая, но поучительная заметка И. Г. П и д о п л и ч к о «По поводу работы А. П. Васьковского и А. П. Окладникова о находке дерева, обработанного человеком» (т. III, стр. 185—189) вызвана тем, что А. П. Васьковский и А. П. Окладников на основании находки куска дерева, обработанного, по их мнению, человеком, делают ряд важных выводов и, в частности, ставят вопрос об очень раннем заселении северо-востока Азии человеком. Между тем И. Г. Пидопличко, изучив это дерево, убедительно показал, что оно обработано зубами молодых бобров! Отсюда становится ясным, что археологи не должны пренебрегать консультацией со специалистами по тем или иным частным вопросам и что чрезвычайно рискованно делать обобщения на основании единичных находок.

В конце нашего обзора отметим, что в IV томе «Археологии» помещены три автореферата кандидатских диссертаций: В. Н. Даниленко «Нижнепалеолитическое стоянище Круглик как исторический источник» (стр. 173—176), И. Г. Шовкопляс «Супоневская палеолитическая стоянка» (стр. 177—183) и В. А. Ильиной «Памятники скифского времени на Посулье» (стр. 184—191). Наконец, в разделе хроники опубликованы сообщения Е. Рудынской «V научная конференция Института археологии АН УССР» (т. II, стр. 199—225) и И. Г. Шовкопляс «Научная жизнь Института археологии в 1949 г.» (т. IV, стр. 195—202).

Подведем некоторые итоги. Положительные качества рассмотренных сборников бесспорны. Отрадно отметить, что украинские археологи уделяют много внимания вопросам древнейшей истории восточнославянских народов и, в частности, мало разработанной до сих пор проблеме культуры полей погребений. К сожалению, статьи обобщающего характера пока еще недостаточно убедительны по своим выводам. Хочется пожелать, чтобы на страницах «Археологии» появлялись и впредь работы теоретического и обобщающего характера, но вместе с тем необходимо более тщательное обоснование положений авторов. Несомненно также, что рецензируемые сборники значительно выиграли бы, если бы на их страницах публиковалось больше исследований, авторы которых не замыкались бы в территориальные рамки УССР, а шире привлекали материалы братских советских республик и соседних стран народной демократии.

Нам представляется также, что пора уже поставить вопрос о введении в «Археологию», как и в центральных наших археологических изданиях, постоянных отделов дискуссий и обсуждений, а также отделов критики и рецензий. Это значительно оживило бы и сами издания и, несомненно, принесло бы большую пользу археологической науке, так как способствовало бы развитию в ней критики и самокритики. «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»¹, — учит нас И. В. Сталин. Археологи, так же как и ученые других специальностей, должны не только помнить эти замечательные слова нашего вождя, но и постоянно претворять их в жизнь.

Кроме того, мы думаем, что в «Археологии», так же как и в центральных изданиях, следует значительно шире освещать археологическую работу музеев и вузов и хотя бы время от времени ставить вопросы, связанные с преподаванием курса археологии в вузах. Известно, что в многочисленных советских университетах читается такой курс, а в некоторых имеется даже археологическая специализация, в том числе и в Киевском; но опыт этой большой теоретической и практической работы в нашей археологической печати никак не обобщается. На страницах сборников необходимо также публиковать работы по методике полевых исследований и более систематически освещать жизнь научно-исследовательских учреждений в разделе хроники.

В заключение хочется подчеркнуть, что в целом рассмотренное издание представляет большой интерес для исследователей, занимающихся древней историей нашей Родины.

А. Н. Москаленко

«ТРУДЫ СОГДИЙСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК АН СССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА», т. I, под ред. А. Ю. ЯКУБОВСКОГО, МИА, № 15. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, 250 стр., тираж 1500 экз., цена 35 руб. 50 к.

Значительный прогресс исторической науки за последнее время сделал насущной потребностью детальную разработку истории ранее угнетавшихся царизмом, а ныне свободных и равноправных народов Советского Союза. Вышедшие за последние годы истории отдельных народов СССР, в частности народов Средней Азии: казахского, узбекского и таджикского, а также подготавливающиеся в настоящее

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 34.